

Г. А. КАПЕКОВА

ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СЕМИРЕЧЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Все пороки колониально зависимой экономики Казахстана в конце XIX – начале XX веков проецировались на промышленности Семиречья. Ее структура отражала характер имперской политики России, направленной на эксплуатацию ресурсов региона исключительно в интересах мет-

рополии, сохранения его в качестве сырьевой периферии. Здесь абсолютно доминировал добывающий сектор, и лишь в незначительных количества присутствовали обрабатывающие предприятия чаще всего на стадии выпуска полуфабрикатов.

Данные дореволюционной статистики о количестве промышленных предприятий на начало XX века, к сожалению, весьма противоречивы и расходятся в некоторых случаях на несколько порядков. Так, по материалам податных «налоговых инспекторов» Туркестанской казенной палаты в регионе зафиксировано 364 предприятия¹. По данным на 1902 г. статистические отчеты сообщают о 114 заводах². По-видимому, в статистическом «разнобое» повинно отсутствие каких-то общих критериев отнесения тех или иных промышленно ориентированных производственных единиц к характеру организационных структур. Подчас заводы проходили в статистических обзорах под рубрикой «предприятия» и, наоборот, даже незначительные предприятия, без всякого управленческо-инженерного персонала и с минимальным числом рабочих, обозначались как «заводы» (скажем, какая-то маслодельня на потребу амбициям ее владельца называлась в газетах того времени «маслозаводом»). (Кстати, в некоторых словарях русского языка слова «предприятие» и «завод» трактуются как синонимы в своей этимологии: «заводить дело» и «предпринимать дело»).

Скорее всего, параметры развития промышленного производства брались исключительно по формальным признакам, и очень часто домашнее производство фиксировалось как промышленное производство. Согласно сведениям В.В. Загорской и К.А. Александер, в исследованных трех уездах Семиречья функционировали 93 предприятия промышленного типа. Из них: кожевенных 31, шерстомоечных 12, мукомольных 6, спиртоочистительных 5, кишечно-очистительных 4, рисоочистительных 3, макаронных 1, маслособойных 2, винокуренных 2, лесопильных 1, суконных 1, электрических станций 2, типографий 5, табачных и папиросных 3³.

Таким образом, ведущей специализацией промышленных заведений Семиречья являлась переработка сельскохозяйственного сырья, прежде всего животноводческого.

Достаточно крупный сегмент промышленной инфраструктуры формировали шерстомоечные заводы. На них приходилось 60% всей промыва-

емой в Туркестане шерсти. Из 17 шерстомоек региона 12 находились в Семиречье. В первую очередь это объясняется функционированием в то время железной дороги Оренбург – Ташкент. Это позволило Семиреченскому региону приблизиться к сырьевым рынкам европейской России и стать поставщиком промышленной шерсти для суконных фабрик Тамбовской, Самарской, Сибирской и других губерний. В 1913 г. шерстомоечные заводы Семиречья выработали около 100 000 пудов готовой шерсти стоимостью 1 000 000 рублей.

В Семиречье работали 32 кожевенных завода, большая часть которых открылась в период 1900–1913 гг. (20 предприятий). Производительность их была невелика: крупные в среднем на одно предприятие имели оборот до 80 000 руб. (7,7 тыс. штук кож), но были и предприятия, где этот показатель не поднимался выше 10–14 тыс. руб.

Издержки кожевенных производств были значительно выше, чем в шерстомоечной отрасли. Средняя стоимость оборудования одного предприятия равнялась приблизительно 1000 руб., производственных помещений – 1600 руб. Машинная технология практически была незнакома семиреченским предприятиям.

Промывка кож проводилась также ручным способом (а не барабанным, как в Европе или Центральной России). По всему Туркестанскому краю только на одном кожевенном заводе прокатка кож осуществлялась с помощью механического привода. Чрезвычайно изнурительные процессы: мездрение, засаливание, дубление, выглаживание кож – производились все в том же режиме «ручной технологии». Если заводы России все чаще переходили на использование специальных дубильных экстрактов, то в Семиречье применялась кора дуба. Для ее измельчения на 16 заводах (из 25 исследованных) применялись самодельные толчеи с зубьями, приводимые в движение от водяных колес (мощностью от 3–6 лошадиных сил и производительностью до 30 пудов измельченной дубовой коры в сутки), на шести заводах использовались водяные мельницы, перерабатывавшие до 3 пудов в сут-

¹ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. 2.1. Отдел. I. СПб., 1911. С.299-339.

² Погосев А.В. Учет численности и состав рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С.40-41.

³ Загорская В.В., Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Петроград, 1915. 560 с.

ки, и лишь на трех применялись толчеи с конными приводами производительностью до 60 пудов в сутки.

Работа кожевенных заводов имела также сезонный характер, как и на многих других предприятиях, задействованных на переработке сельскохозяйственного сырья. В Семиречье кожевенные заводы осуществляли свою производственную деятельность в среднем по 226 дней в году.

На обследованных предприятиях работало 154 чел., из них казахов – 100 чел., русских – 26, узбеков – 24. Работали в основном мужчины, так как трудоемкое кожевенное производство требовало большого приложения физических сил. Содержание русского рабочего обходилось в 37 коп. в день, узбекского – 30, а казахского – лишь в 10 коп⁴. Отсюда можно отметить, что имела место дискриминация по национальному признаку. Но поскольку «резервная армия труда» в ауле воспроизводилась в более массовых масштабах, чем среди переселенческого крестьянства, то хозяева предприятий могли позволить себе откровенный произвол в оплате труда, особенно в отношении рабочих-казахов.

На обследованных заводах Семиречья (по трем уездам) в 1913 г. объем продукции составил 49 тыс. выделанных кож. Если сравнить эту цифру с количеством скота в хозяйствах области, то станет очевидным, что мощность кожевенных предприятий не соответствовала сырьевому потенциалу. Основные причины: удаленность от железных дорог от 50 до 60 верст, примитивная технология, низкое качество, неконкурентность на всероссийском торговом рынке, ограниченность выхода на внешний рынок.

Спиртоочистительные заводы в обследуемых регионах относились к кустарному производству. Ни на одном из них не было электрического освещения. Примитивным был способ очистки спирта. Она производилась, как это описывают современники, «путем перегонки спирта через обыкновенные фильтры (в качестве фильтрационной массы использовался уголь). В крае почти исключительно была распространена холодная очистка спирта, так как главное назначение очищаемого спирта — производство водки в 40 градусов».

Спирто-водочное производство было ориентировано лишь на местный рынок, пределы которого ограничивались этнокультурными особенностями структуры народонаселения.

Ведущие позиции в Семиречье занимало табачное производство. Табачные фабрики города Верного имели собственные плантации, где выращивались преимущественно желтые табаки, но культивировались и другие сорта. Многие из них были прекрасно адаптированы к местным природно-климатическим условиям, превосходили по своим качествам крымские и кубанские табаки и даже представлялись на выставках в России и за границей (получили 20 медалей, в том числе золотые и серебряные).

В 1913 г. в Семиречье было произведено 6750 пудов табака, что удовлетворяло потребности местных фабрик в этой продукции. Себестоимость одного пуда табака составляла в среднем 8 руб. 27 коп., тогда как себестоимость 1 пуда табака, привозимого из России, достигала 90 руб., т. е. была в 10 раз выше. Гильзы для папирос изготавливались на самих фабриках, однако 80% бумага для гильз привозилась из Финляндии, 20% — из Одессы и Петрограда.

По сравнению с другими промышленными заведениями табачные производства были более механизированы. Почти все они имели электрическое освещение, динамо-машины. Они были оборудованы бумагорезательными, гильзовыми, крошительными, папиросонабивными и другими машинами. Стоимость основного капитала только двух верненских табачных фабрик достигала 52 тыс. руб. Годовой оборот табачных производств составлял в среднем на одну фабрику 36,3 тыс. руб., среднее число рабочих на фабрике составляло 28–30 чел. Фабрики работали почти круглый год. Они осуществляли вывоз продукции на внешние рынки, в том числе в Китай (Кульджа и Чучучак) – 1 тыс. пудов табака, 785 тыс. папирос, 1,1 млн. папиросных гильз.

Единственной в Туркестане фабрикой, доводящей переработку сырья до готовой продукции, было суконное производство предпринимателя Иванова. Фабрика была открыта в 1910 г. в 25 верстах от Верного в пос. Каргалы.

По техническому оснащению она приближалась к прядельно-ткацким предприятиям евро-

⁴ Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. Л., 1930. С. 142.

пейской России. Фабричные корпуса стоимостью 100 тыс. руб. освещались электричеством, вырабатываемым собственной динамо-машиной (мощностью 14 л.с). Механические двигатели запускались водяной турбиной мощностью 250 л.с. Весь основной капитал оценивался в 100 тыс. руб., что по меркам региона представлялось весьма крупными инвестициями в производство. Фабрика работала круглый год в две смены. В производстве было занято 135 рабочих, в том числе: казахов – 66%, русских – 14,8%. Широко использовался труд подростков (7% от общего числа рабочих). Месячная заработная плата рабочих находилась на уровне 10–20 руб.

Сырьем для производства Каргалинской фабрики служила главным образом овечья и верблюжья шерсть, промываемая на собственном шерстомоечном предприятии. Конечным продуктом переработки были сукно солдатского серошинельного типа, а также фасонные ткани под трико. Для окраски шерсти закупались краски из Москвы.

Вся продукция реализовывалась главным образом в Семиречье, но часть ее направлялась гужевым транспортом в Сибирь. За период с 1913–1917 гг. фабрика в Каргалы произвела более 1 млн м сукна. Годовая производительность – 200 тыс. аршин сукна – оценивалась примерно в 260 тыс. руб.

Попытки выйти на внешний рынок были неосуществимы в связи со слабо развитой инфраструктурой. Транзитный пункт (ст. Арысь Оренбургско-Ташкентской железной дороги) был удален от промышленного производства Семиречья на 500 верст. Это ограничивало роль Семиречья как поставщика сырьевых ресурсов. Семиреченский регион и сам не являлся рынком сбыта для российских товаров.

Предприниматели поднимали вопрос в правительстве о строительстве Семиреченской железной дороги. Их активно поддерживали банковские сферы, в частности, Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Санкт-Петербургский Международный коммерческий банки. Было создано специальное «Общество Семиреченской железной дороги». В уставе этого общества была провозглашена основная цель: «постройка и эксплуатация железнодорожной линии нормальной колеи от станции Арысь Ташкентской железной дороги в направлении на село Малдыбай Сырдарь-

инской области до города Пишпека Семиреченской области, с ветвью к местечку Токмак и от одного из пунктов линии Арысь – Пишпек до города Верного».

Строительство Семиреченской железной дороги началось в июле 1914 г. Но в связи с началом Первой мировой войны темпы его роста были крайне медленными (не более 5 км укладки пути в месяц). Именно поэтому железная дорога до революции так и не была пущена в эксплуатацию. Железнодорожное движение Туркестан – Сибирь было реализовано уже в советские времена – Турксиб.

В начале XX в. в Семиречье функционировало более 5,5 тыс. торговых заведений. Торговый оборот одного предприятия составлял в среднем 3284 руб. Средняя прибыль была на несколько порядков выше, чем в России.

Крупные торговые фирмы имели обороты в несколько миллионов рублей. Например, не только в Семиречье, но и во всем Туркестане и даже в Сибири был известен торговый дом Н.И.Иванова. Начав свою предпринимательскую деятельность с операций торговли хлебом и водкой, он вскоре стал владельцем многих торговых и промышленных заведений. Ему принадлежали заводы виноградных вин в Ташкенте и в Самарканде, спиртной завод в пос. Тургень, пивоваренные заводы в Ташкенте, Казалинске, Перовске, Верном, Тургене и т.д.

Торговый дом Н.И.Иванова осуществлял широкомасштабные операции по закупке сельскохозяйственного сырья. Именно спекулятивный капитал, нажитый на торговле, позволил превратиться Иванову, говоря словами его современника, в «Строганова Туркестана». Имея в 1865 г. всего около 4 тыс. руб., он уже через восемь лет обладал капиталом в 100 тыс. руб.

Сырдарьинский статистический комитет извещал, что Н.И.Иванов закупал виноград для винокурного производства по цене 40 коп. за пуд, а для винодельческих предприятий — по 59 коп. за пуд, бутылку же вина продавал от 40 коп. до 1 руб. При таком проценте спекулятивной прибыли и скорости оборотов капитала состояние этого предприятия очень быстро стало выражаться в миллионах руб. (одних только казенных акцизов за хлебное вино, водку и табачные изделия уплачивалось почти до 1 млн руб.).

Лидировали в торговле русские купцы. Следовали за ними татарские, уйгурские и дунганские представители торгово-ростовщического слоя. Например, В. Юлдашев занимался оптовыми скупками хлеба, а также скупкой различной недвижимости в городе Джаркенте.

Г. К. Гинс в очерке «Таранчи и дунгане», опубликованном в 1911 г., пишет о Юлдашеве следующее: «Он построил в Джаркенте несколько десятков домов для правительственных учреждений и квартир чиновников, открыл Колониальный магазин, раздал лишенным всяких средств таранчам и дунганам деньги для обзаведения хозяйством и стал быстро увеличивать свои капиталы... Постепенно все экономические рычаги северной части Джаркентского уезда сосредоточились в его руках».

Фискальная политика. Россия получала миллионы серебряных рублей в форме налогов. Еще в 1879 г. военный губернатор Семиреченской области сообщал: «Перед взносом податей аулы или несколько родичей занимают деньги у ростовщиков, преимущественно сартов (узбеков), при этом обыкновенно ростовщики берут ссуду по 10% в месяц, иногда и более – за каждый рубль займа и процент киргизы обязаны уплатить по одному барану, но зиму и большую часть весны бараны остаются на прокормлении у киргизов, а затем по требованию заимодавцев отдаются такие, которые продаются на рынке не менее двух рублей серебром. Таким образом, ценность имущества, отдаваемого киргизами (казахами) за подать, превышает ее в три раза»⁵. Примерно в те же годы уездный начальник Верненского уезда докладывал, что в целях уплаты налогов казахи-скотоводы отдавали «ростовщикам сартам и татарам баранов и лошадей». Ссуды выдавались под баранов из расчета «по 1 рублю за голову нынешнего приплода», тогда как, «отогнав в Ходжент (ростовщики. – Г.К.) продают его там не дешевле 3 руб. и 3 руб. 50 коп.»⁶.

На базаре в Верном цена барана не опускалась ниже 1,5 руб., т.е. прибыль ростовщиков составляла не менее 50%. Таким образом, нало-

говая эксплуатация усиливалась торгово-ростовщической обираловкой посредством насаждавшегося в аулах неэквивалентного обмена в его откровенно грабительских проявлениях. Торгово-ростовщический капитал вольготно паразитировал на колониальной системе эксплуатации местного населения. Армия местных торговцев и ростовщиков (в ауле была своя прослойка алып Сатаров и долдалов) служила посредником крупных фирм, подвизавшихся в сфере обменных отношений. Последние отпускали мелким оптовикам товары в кредит под 10–20% роста, а при более мелких ссудах под 50% и более. Ясно, что для покрытия такого ссудного процента и получения собственной прибыли торговцы, пользуясь своим монопольным положением на кочевьях казахов, устанавливали такие цены на свои товары, которые в 2–3 раза превышали рыночную конъюнктуру, погружая население аула в перманентную кредитную задолженность⁷. «Ссудный процент» и неэквивалентная торговля буквально вытягивали последние соки и без того крайне ослабленного крестьянского организма.

Семиречье в отличие от других регионов Туркестана и Казахстана было обделено минеральными ресурсами. Поэтому операции банковского капитала были ориентированы здесь преимущественно на закупку, переработку и транспортировку сельскохозяйственной продукции и на обслуживание российской промышленности, организовавшей рынки сбыта для своих товарных потоков в Семиречье. Именно банковский капитал замыкал на себе всю разветвленную торгово-ростовщическую структуру региона. Характерно, что банки и их многочисленные отделения как институты организованного кредита практически не осуществляли свои операции с мелкими клиентами, куда, естественно, относили основную массу сельскохозяйственных производителей и ремесленников кустарно-домашних предприятий. В качестве корреспондентов выступали почти исключительно торговые фирмы и владельцы промышленных заведений, посредники мануфактур и закупочных контор, крупные опто-

⁵ ЦГА РК. Ф. 64, оп. 1, д. 2042, п. 11.

⁶ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства землепользования в Семиреченской области. Т.5, 4.2.С. 950.

⁷ Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. С. 105.

вики-комиссионеры. Они получали банковские кредиты по ставке 6–7% годовых, тогда как непосредственные заемщики, замыкая конечную стадию наращивания ссудного процента, получали кредиты на условиях уже в 60% годовых, т.е. десятикратной и более кредитной ставке.

Торгово-ростовщической эксплуатации населения удобно служили и институты мелкого кредита – кредитные и ссудно-сберегательные товарищества. Накануне Первой мировой войны в Семиречье действовало 30 учреждений первого уровня и 4 – второго⁸. Призванные удовлетворять производственные и потребительские интересы своих членов, а также других пользователей, они занимались главным образом ростовщическими операциями, пускаясь в самые различные спекулятивные акции, направленные на ссудный рост капитала.

Таким образом, можно сделать вывод, что ростовщичество выполняло в Семиречье разоряющую и паразитическую докапиталистическую функцию, являющую собой одну из низших и худших форм капитала. Спецификой его было то, что оно выступало в качестве постоянного кредитного спутника торгового капитала. Товарно-денежные связи того или иного сельского поселения с «опекавшим» его торговцем (скупщиком и поставщиком одновременно) покоились главным образом на ростовщическом кредите, т.е. торговый капитал выступал в то же время как ростовщический капитал.

Именно торгово-ростовщический капитал выступал в Семиречье в качестве важнейшего фактора первоначального накопления промышленного капитала. Не случайно все сколько-нибудь крупные предприниматели региона начинали свою деятельность с торгово-ростовщических операций, да и в последующем тесно совмещали эти две формы капитала.

Важно отметить и еще одну функцию данного вида капитала, а именно то, что торгово-ростовщический капитал выступал в роли катализатора – ускорителя процесса превращения дока-

питалистического натурального хозяйства в мелкотоварное.

Только высвободившееся от феодальной зависимости и всеобъемлющего диктата общины крестьянство, наделенное правом легитимного собственника земли и в массе своей включавшееся в мелкотоварное производство на рынок, попадающее во все возрастающую зависимость от городской промышленности, могло служить по-настоящему благоприятной питательной средой для действительно массового развития и распространения на аграрной периферии торгово-ростовщического капитала. В Семиречье, в отличие от районов хлопкового товарного производства Туркестана, торгово-ростовщический капитал имел определенное развитие, однако количественно был еще незначителен. Он не обрел качества, которого он достиг бы в результате развития товарного хозяйства. Для торгово-ростовщического капитала самым пригодным, т.е. наиболее адекватным характеру его операций объектом эксплуатации, являлось ненатуральное и полунатуральное мелкотоварное крестьянское хозяйство. Обуславливалось это тем, что только последнее было способно обеспечить максимально возможный в существовавших условиях выход товарной сельскохозяйственной продукции и наибольший спрос на промтовары. Кроме того, только оно обладало необходимыми возможностями попасть в глубокую и полную зависимость от торгово-ростовщического капитала. Поэтому можно сказать, что торгово-ростовщический капитал Семиречья не изменял докапиталистического способа производства, но удобно паразитировал на его консервации.

Таким образом, Семиречье, несмотря на интеграцию его в российско-имперскую геоэкономическую орбиту, подчинение интересам общероссийского рынка, продолжало оставаться докапиталистической периферией. Капиталистический уклад здесь, как, впрочем, и в метрополии, не вылился в систему производственных отношений.

⁸ Масальский В. И. Туркестанский край. СПб, 1913. С. 545.